Караваева Валентина

июль 2001г.

Нести свой крест и верОвать

Валентина Караваева буквально исполнила завет Нины Заречной

Я несколько раз принималась за историю Валентины Караваевой, но всякий раз не складывалось. Вот, кажется, все известно об актрисе, родившейся 21 мая 21-го года и сыгравшей свою звездную, а по сути и единственную роль в фильме Юрия Райзмана «Машенька». Но всплывает какая-нибудь новая подробность, и казавшийся непреложным факт оборачивается досужим вымыслом. Да и как можно с достоверностью написать story о женщине, у которой даже имя – и то под вопросом? Так что как ни крути, а истории получаются две. Одна – дань памяти Валентине Караваевой, сложенная из легенд, – наверняка понравилась бы самой Валентине Ивановне. Она вообще любила драматические эффекты. Когда в 81-м, уже полубезумном своем году, сочиняла текст для пластинки «Творческий портрет Валентины Караваевой», начала так: «Ночь. Гремит гроза. Пошел шелестящий густой дождь. На всех домах двери-окна темные. Все спят. Гром разбудил и напугал: как залпы орудий. Как война». А вторую историю можно сложить из старых квитанций, обрывков газет, дневниковых записей, жалоб и личных писем – всего того сора, из которого сложилась судьба Валентины Ивановны Чапман.

Последний акт

В тот злополучный день января 97-го один из ничем не примечательных блочных домов недалеко от станции метро «ВДНХ» капитально затопило. В ЖЭК поспешили все, кроме единственной жилички. То ли сердобольность взыграла, то ли – в очередной раз – в потопе заподозрили именно ее, но дверь в квартиру, числящуюся за гражданкой Н. Чапман, взломали. И увидели...

Ах, как Валентине Ивановне понравилось бы это многоточие. Ведь главное – даже не самой конструировать свою жизнь, а привлечь к этому строительству всегда готовых к чуду окружающих. И они домыслят, отлакируют, доведут до совершенства. За доказательствами далеко ходить не надо: соседи «увидели» женщину с выбеленным гримом лицом, на котором еще угадывалась былая красота, несмотря на перетягивающий шеку здоровенный шрам. Одетая в старинное нездешнее платье, она, уже несколько дней мертвая, лежала на пути к входной двери. Пол, потолок и стены комнаты были обиты черной тканью. В стоячей – здесь никакой романтики, одна правда жизни, – затопившей квартиру канализационной воде плавали полуистлевшие наряды неземной красоты и драгоценности небывалой стоимости. Кухня превращена в грим-уборную. Где-то в комнате валялась слепленная из папье-маше фигура чайки, огромная, но увидели ее не сразу. Потому что всё – пол, диван, подоконники – было завалено скрученной, запыленной кинопленкой. Короче, из обычной коммунальной драмы, унесшей жизнь одинокой, всеми покинутой старухи, вырастала настоящая экзистенциальная трагедия.

А вот что вспоминает кинорежиссер Георгий Параджанов, попавший в квартиру Караваевой через некоторое время после ее смерти, заручившись разрешением Гильдии киноактеров и напутствием домового смотрителя: «Идите туда сами, мы в эту квартиру не войдем. Идите – и все сами увидите». «Фантазия наша бедна, чтобы представить, что я там увидел. Ее квартира... Мусорная свалка или бомжатник – это Версаль по сравнению с тем, что там было. Я растерялся, не знал, что мне делать... Пытался хоть что-то найти. Там – представляешь – даже не было унитаза. Вся квартира пропахла сыростью. Оказывается, многие годы ее заливали какие-то соседи, а ЖЭК сваливал на нее, говоря, что она якобы забивает чем-то унитаз и поэтому всех заливает. Огромное количество непонятных бумаг... Разбухшие чемоданы – старые, английские, кожаные... Я открывал чемоданы – и из них вылетал белый рой каких-то мошек. Я поднимал пласты рукописей, записей, которые в руках разваливались, сыпались, как труха. И из них вылетала белая полупрозрачная мошкара... Абсолютная мистика! Что делать? И вдруг в этой грязи я нахожу золотистую туфлю, бутафорскую, в которой она, видимо, что-то играла... Вытягиваю бусы... Вытягиваю ее зеркало, гребешок. Ее платье, на которое нашиты брошки... Потом я вспомнил, что в этом она играла Бесприданницу: такая белая-белая блузка и к рукавам пришиты кружева... Нашел ее письма и дневники. Они называются «Лики человеческие».

А еще Параджанов сумел разобрать пленки. На всех оказалась хозяйка, в одной и той же мизансцене, одной декорации, практически в одной и той же позе. Параджанов сумел отреставрировать пленку, смонтировать ее, свести с найденными в квартире аудиокассетами. Оказалось, в течение 30 лет Караваева снимала саму себя. Ролей всего несколько – Нина Заречная, Анна Каренина, Кармен, Раневская, Гедда Габлер. Она снимала, проявляла, отсматривала, меняла интонации, смещала акценты, играла и снимала снова и снова. Что это было: форма безумия, протеста, отчаяния или самодостаточный в своем невнимании ни к современникам, ни к потомкам шаг? Возможно, хоть какой-то ответ на этот вопрос может дать обращение к караваевскому архиву.

Машенька

История, завершившаяся как заправский детектив, начиналась банальной мелодрамой.

Аттестат 35/36 годов об успешном окончании 8-го класса. Только его получив, Караваева уехала в Москву. В родном Вышнем Волочке остались мать и младшие сестры. По одним данным, мать работала уборщицей в церкви, по другим – Караваева вообще родилась в семье священника. Еще говорят, что, названная родителями Аллой, она превратилась в Валентину, уже когда выросла, по собственному желанию.

Временное удостоверение для посещения кинотеатра ГУК, выданное студентке «Мастерской киноактеров «Мосфильм». Еще учась, Караваева получила письмо от молодого, а впоследствии знаменитого режиссера:

«Милая Валюша!

Мне хочется написать Вам, господин хороший, приятное, а что – не знаю. Все это случилось так неожиданно, молниеносно, и самое главное совсем недавно – только вчера. А между тем мне кажется, что мы уже давно знакомы, много лет, и вот сейчас я пишу письмо не случайно знакомой из Э, а другу, который мне дорог и которого я люблю. Я, Валюша, долго буду помнить вчерашний вечер, Вас, моего милого «соперника»... с золотыми пуговицами, наш разговор (помните?) о жизни, о людях, о великой артистке, которая «уже родилась или скоро родится», о кино. Я никогда не забуду, как вы сидели, чему-то грустно улыбаясь, и мне тогда показалось, что у Вас есть какое-то большое горе. Не знаю, может быть, я ошибся. (...)

Ваш Александр Алов».

Одним из педагогов Мастерской был Юрий Райзман. В начале 40-х он решил ставить фильм «Машенька», трогательную историю из серии «только очень жди». Караваева с внешностью романтической героини очень подходила на эту роль. В письме, написанном через 30 лет, она упомянет: «Я шла на 2-ю пробу как на счастье любовного свидания».

Из записей 80-х годов: «*И, наконец, главное: «Не забыть: Райзман рассказывал, как просили летчиков отправить в Москву пленки, но летчики требовали просмотра фильма. Потом взяли в Москву, сказали: после «Чапаева» – будет ваша «Машенька».*

Такое вряд ли забудешь. «Машенька» – это было признание, известность, поклонники (Караваева получала письма даже от немецких солдат) и Сталинская премия. Это было абсолютное совпадение, редкое, счастливое, которого многие не могут дождаться всю жизнь и которое, похоже, отравило жизнь Караваевой. Она-то искренне поверила: успех не случаен, а заслужен, более того, выстрадан. И все последующие годы ждала хотя бы повторения. Оно должно было состояться немедленно. Райзман, известный как режиссер, никогда не снимающий актера дважды, пригласил Караваеву на главную роль в своем следующем фильме «Небо Москвы». Она поехала на съемки, но где-то под Куйбышевом попала в аварию. Когда рана на лице зажила, образовался шрам от скулы до рта. Иная поставила бы крест на карьере актрисы, но Караваева продолжала надеяться и бороться.

Из наговоренной пластинки «Творчество Валентины Караваевой» (1982 г.): «*Вновь – месяцы лечения, теперь уже в госпиталях, вместе с ранеными бойцами, которые узнавали ее, несмотря на остриженную наголо голову и забинтованное лицо. Узнавали «по глазам», как они говорили. И поддерживали ее своею верой в нее, ее будущее».*

Чапман

История приобретения Караваевой фамилии Чапман, под которой она похоронена, не нашла никакого отражения в ее архиве. Зато, как наиболее романтическая и, скорее всего, политическая, она дошла до нас в нескольких вариантах. Одни говорят, что в 45-м Караваеву пригласили выступить в концерте для союзников. Она знала американские и французские шлягеры и не была избалована. На ужине после концерта она и познакомилась с английским дипломатом Чапменом. Другие утверждают, что Чапмен влюбился в Караваеву, посмотрев «Машеньку», и лишь затем устроился на работу в Москву. Третьи вспоминают, что он увидел ее в гостиничном лифте, с забинтованным почти до глаз лицом, и влюбился. Но то, как однажды Чапмен нес Караваеву на руках по всем лестницам Большого театра, действительно видели многие. Они поженились и уехали в Англию. Две заграничные пластические операции так и не справились со шрамом, с годами он проявлялся все сильнее и сильнее. Говорят, в Лондоне Караваева играла в театре. Другие говорят – помогала, как могла, православной церкви. Но никто не может ответить на простой вопрос: почему она вернулась? Да еще с двумя флаконами яда, которые на всякий случай вручил ей Чапмен...

Дальнейшая легенда гласит, что родина встретила свою блудную дочь десятилетней ссылкой на Валдай, где она занималась с детьми «театром и декламацией». Только если верить архиву – она в Москве уже в сентябре 50-го, причем в собственной комнате. Так что если ее и отправляли в ссылку на Валдай – в родной Вышний Волочёк, – то только на пару месяцев. Все, известное об этом времени, говорит, что она не просто так вернулась, а, возможно, и не просто так уезжала. В голову лезут шпионские страсти. Иначе как молодая, разумная, пожившая за границей и принявшая такое сложное решение женщина могла писать т а к и е письма «по начальству», так требовать?

Из письма к Фурцевой от 5 марта 55-го года:

«*В 50-м году я вернулась на Родину из-за границы, потому что любовь к родной земле и душевная жажда отдать свое творчество именно родной земле – они оказались сильнее всех «обольщений» комфортабельного буржуазного, эгоистического существования. А сейчас, уже войдя в «классики», я существую «подселенкой» в коммунальной квартире, около чужих семей. Не имея возможности даже для необходимого отдыха, не говоря уже о творческих занятиях. А, между тем, приезжают из-за границы люди, которые знают меня как актрису. Бывало и так, что задавались провокационные вопросы: «правда ли, что вас репрессируют, и что вы живете в трущобах, не имеете своей квартиры?» (...) Прошу разобраться и навести должный порядок в том недопустимом для Советской страны положении, в котором я нахожусь уже много лет. Не только потому, что оно мучительно и более уже нестерпимо для меня самой. Но потому, что сложившаяся ситуация бросает незаслуженную тень на честь и достоинство нашей Родины и может служить только на руку вражеской пропаганде».*

Курсив

Февраль 51-го. *Отказ из «Нового мира».* Караваева посылала туда свою рукопись о западной жизни «Мир, где нет завтра».

54-й год. *Отказ с «Мосфильма».* Караваева отправляла туда свою сценарную заявку «Они не забыли», продолжение «Машеньки».

Тогда же, в середине 50-х, она выпивает чапменовский яд и чудом, пережив клиническую смерть, выкарабкивается.

Удостоверение штатной актрисы Театра киноактера (в 57-м театр закрыли, Караваева – по некоторым данным, стараниями своей знакомой Фаины Раневской – устроилась в театр им. Пушкина, а затем и в штат киностудии им. Горького, где долгие годы зарабатывала дубляжом). Она ходит на службу, дублирует Грету Гарбо и Марлен Дитрих, иногда – очень редко – получает роль в театре. Лидия Смирнова вспоминает, как однажды на гастролях Караваева поднялась с постели в 5 утра и, завернувшись в простыню, вышла в гостиничный коридор. В зубах она сжимала стебель громадной красной розы. «Куда ты?» – «На свидание с Сервантесом».

Она уже тогда была странной. Евгений Весник утверждает, что «слишком умной для актрисы». И все как на подбор рассказывают, какой неуживчивой, вздорной и бескомпромиссной она была. Подтверждая при этом: актрисой от Бога.

Единственная крупная роль, которую Караваевой удалось сыграть в театре, – Нина в «Чайке» театра Моссовета, с партнерами Пляттом и Марецкой. Но уже через два спектакля Караваева со всеми поругалась, и ее с роли сняли. А воспоминаниями об этой работе остались рецензии, где сказано, что игра актрисы «предрекала рождение новой Комиссаржевской».

Из письма Караваевой матери от 1 января 62-го: «*Пусть будет так, как Господу угодно, потому что это всегда – самое лучшее. За себя я могу только сказать, что я не пойду ни на какие компромиссы. Мне нужно или – всё, или – ничего. Я пойду и дальше своим путем, каким был он ни был, и свой крест я донесу до конца».*

Последнее письмо вызвано отнюдь не творческими переживаниями. Тут личное, женское и, как всегда у Караваевой, драматичное.

Мужики и мужикам

Архив Музея кино оставляет впечатление вполне научного заведения. На всех папках с документами загадочные буковки и символы. Все подколото и подписано. Впечатление это разрушают лишь два пухлых конверта, помеченных без особой учености: «Мужики – Караваевой» и «Караваева – мужикам».

Не принимая в расчет и, по всей видимости, совсем не рассчитывая на законного мужа Чапмена, Караваева любила только раз, и совсем другого мужчину. Зато целых 15 лет.

У нее, такой исключительной, необыкновенной, тоньше всех чувствовавшей и больше всех знающей, все сложилось как у многих. Полковник по имени Александр Константинович был женат. Они познакомились еще до войны, продолжали общаться и после возвращения Караваевой в Москву. Но однажды, когда она ему позвонила, настроившись, собравшись с духом, наплевав на гордость и старые обиды, ей ответили: «велено было передать, что он ушел в театр».

Понимаю, что не к месту и не по статусу, но мне все-таки лезут в голову вскользь оброненные слова то ли Н.Я. Мандельштам, то ли самой Анны Андреевны: «Если бы наши мужчины были живы, мы бы сейчас чистили селедку на кухне».

Из письма от 28 ноября 54-го:

«*...Не знаю, почему я так и не смогла быть с тобой такою, какая я есть на самом деле. Тут многое мешало. А главное, я не понимала одной важнейшей вещи. Помнишь, когда я прибежала в лагеря на Соколовской горке в день объявления войны? Я помню все очень ясно: и веточку в твоих руках, и твое потемневшее горестное лицо. Я тогда сказала тебе, что все будет хорошо. И вот, все было хорошо: мы победили, и ты вышел живым из ада войны. Но за это еще, оказывается, надо было заплатить жизни. Я, глупая, думала, что я заплатила за все. Но я ошиблась. Плата оказалась страшнее. Она состоит в том, что я стала ненужной тебе. Эх ты, недотепа».*

Из письма от 6 января 55-го:

«*Вы, очевидно, забыли, что должны вернуть фото и письма, попавшие к Вам в свое время случайно, по ошибке... на что, в сущности, Вы никогда не имели и не могли иметь никакого права. Лживая, фальшивая, не в меру затянувшаяся «случайность».*

Из письма, никак не датированного:

«*Я пишу это письмо, потому что я, наконец, все додумала до конца и все поняла и все решила. Это уже третий раз я додумываю до конца свои отношения с тобой: в 1-й раз это было, когда... я узнала, что ты женат. Но у меня тогда силенок не хватило разорвать с тобой. Но война помогла это сделать. И только в 42-м году я смогла написать тебе письмо, что ты для меня – отрезанный ломоть. И за это ты написал мне, что я взбалмошная. Но я крепко держалась за свое решение. И больше не писала тебе. И стала, что называется, «мстить жизни». Мне везло в этом деле, и за тебя много пострадало людей, которых я ломала души со всей жестокостью, на которую способна глупая молодость. Но что такое счастье – я уж так никогда и не узнала. Потом то, что было сильнее меня, привело меня в решительный час опять домой.*

Ты пришел, увидел не мечту, а живую седую женщину, показавшуюся тебе чужой. Ты почему-то не разглядел, что это седое и странное существо, несмотря ни на что, была все-таки лучше той юной девчонки, чье фото ты хранил. Потому что та девчонка могла целовать Александра в «Машеньке», думая о тебе, вспоминая тебя, но в то же время могла и ненавидеть тебя и мстить тебе, целуя другого. (...) Я искала тебя, как ищут хлеб. Ибо ты и был в действительности всегда мой душевный хлеб: вся юность, все чувства были отданы тебе, так уж случилось. И все, что я когда-либо делала в творчестве, было связано с тобой, питалось тобой, даже против моей воли и без участия моего сознания. (...) Знаешь, в пьесе Арбузова «Таня» есть песенка Тани. Слова там такие: «Вот моё сердце открыто /Если хочешь – разбей его /Но в этом сердце /Ты убьешь – себя».

Потом были какие-то Федоры, Сулханы, виолончелисты Валентины Борисовичи, всякие прочие безымянные, из которых кто-то, по воспоминаниям соседки, был похож на Маяковского. Письма им написаны как под копирку. И какие письма, какой высокий стиль, какой уровень претензий! Прочтя несколько подряд, я хоть сейчас, без всякого спора готова написать любовное послание за Валентину Ивановну, и с удовольствием.

Сулхану:

«*В добрый путь, Сулхан, идите смело вперед, не оглядываясь, и старайтесь забывать о себе и не берегите себя, нельзя в искусстве любить себя, жалеть себя, любоваться собой. Это не упрек, а совет ото всей души. Вы помните еще (может быть), как я загрустила по поводу Вашей подписи на Вашем фото «на память, не в памяти»... Я поняла, что подпись-то Ваша была правильной, но, увы, для меня неподходящей. Я не люблю хранить человека на память. Это всегда лишний груз. (...) Все получилось, выражаясь вашими же словами, «не то и не так»! Грустно и даже больно, но факт остается фактом. На память мне ничего не надо, а в памяти хранить боль и несбывшиеся надежды – не стоит».*

Курсив-2

74-й – *уведомление из театральной библиотеки о получении по запросу гр-ки Чапман В.И. пьес Т. Уильямса на английском языке.*

В 75-м у Караваевой всего один дубляж. Но она так и не научилась отчаиваться и в 76-м пишет очередное письмо в «инстанции», на этот раз прямо в ЦК КПСС с просьбой поднять ей актерскую категорию и помочь «полностью отдать обществу творческие силы».

Просьба осталась без ответа.

В 80-х она уже не играет, не дублирует, живет на пенсию от Гильдии киноактеров и много, выспренно, угнетающе бездарно пишет. Например, такие стихи: «*От жизни нужно мне немного: /В тиши услышать голос Бога, /Его веленья исполнять/ И красотой его дышать*». А иногда и прозу: «*Обгаженный птицами (особенно на голове и лице) памятник Циолковского. Рядом – лужа, полная грязи людской: плевки, окурки, бумажки и т.д. У подножия – сгнившие обрывки «цветов». Не дай Бог заслужить памятник. На этой бездарной планетке».*

Это Караваева погорячилась: памятник никто и никогда ей не поставит. Она сама себя увековечила.

Занавес

А для «низкой» жизни были цифры. В 22 – Сталинская премия, в 23 – обезображенное лицо, в 25 лет – жена английского дипломата, в 32 – вдова (Чапмен разбился в автокатастрофе). В 43 – роль фрейлины в «Обыкновенном чуде». С 43 до 65 – главная и единственная героиня трех километров 16-миллиметровой пленки, снятой на любительскую кинокамеру «Киев».

Бесчисленные открытки от Казина Виктора Ивановича. В 79-м ему было 53, ветеран кинофикации, коллекционер, большой поклонник творчества Караваевой. У него – свой киномузей и работа в клубе кинолюбителей. Казин проявлял и печатал для Валентины Ивановны пленки и фотографии.

Режиссер Георгий Параджанов, который, собственно, и открыл Караваеву, снял о ней фильм. Спорный. Но все оправдывает эта знаменитая пленка, 16-миллиметровая, на которую Караваева снимала саму себя. На одних кадрах ей чуть-чуть за 40, на других – хорошо под 70. Монтаж создает ощущение, что актриса стареет на протяжении одного и того же монолога. Замогильный голос, болезненная мимика, заученные взмахи рук. Страшное зрелище.

Когда Георгия Параджанова спрашивают о Караваевой, он отвечает: «Она не была сумасшедшая. Она была странная. Она была гениальная в своем роде. А кому нужен нормальный актер? Кому нужен нормальный художник? Кому нужен нормальный режиссер? Нет ничего страшнее, когда «все как у людей», когда мы все – под одну гребенку... В искусстве надо перекричать жизнь. Как сказал Альбер Камю, «искусство – это бунт перед действительностью», а Караваева была одной из немногих, которая бунтовала».

Честно говоря, мне хочется надеяться, что все немного сложнее по форме и проще по результату. У Караваевой над кроватью были пришпилены фотографии Антона Павловича и Льва Николаевича. Она слишком любила Чехова, а особенно Нину Заречную.

Запись от 3 ноября 79-го: «*Нина Заречная – это духовный символ (душа) Чехова. Она способна на подвиг! Слово у нее служит делу! Нина – высшее человеческое воплощение сути мировой души – она гармонична, она одухотворена и сама одухотворяет материю, быт, земные существования».*

Равнение на классиков всегда чревато. Помноженное на бескомпромиссность – убийственно. Караваева вынесла на знамена любимых Чехова и Ибсена и сыграла под ними по-настоящему современную героиню, смешав высокую трагедию и элементарную пошлость. Она прожила идеальную по форме жизнь. Счастливую в юности, запутанную в молодости, трагичную в зрелости и рутинную, помутненную в старости. Своей судьбой она сумела совместить нервную русскую классику, лирическую девушку из советского кино и замкнутое, почти андеграундное существование. Поэтому не удивлюсь, если ее имя всплывет в ближайшее время в каких-нибудь книгах или фильмах. Уже не документальных.

...А всей правды о Валентине Ивановне Караваевой не узнает никто. Она постаралась унести с собой секрет своей жизни.

P.S. Из письма к Сулхану от 15 мая 52-го года. Караваевой – всего 31 год:

«*У Александра Грина есть рассказ «Жизнь Гнора», где случается между прекрасным молодым человеком и такой же прекрасной молодой девушкой соединение после долгой разлуки. И молодой Гнор говорит: «Простим жизнь. Она оказалась нищей перед нами».*

Мы с вами, увы, далеко не гриновские герои. Но есть общее: и перед нами жизнь оказалась нищей. Черт его знает, что жизнь еще сделает с нами. Может быть, захочет обрушить на наши головы человеческое горе, муки? (...) Я знаю только, что если эта дрянь-жизнь и загонит меня будущей зимой в бомбоубежище, то, сидя где-то в подвале и вздрагивая от взрывов стены, я назло жизни и войнам вспомню, что, может быть, в этот самый день прошлой зимой горели белые шары фонарей на Пушкинском скверике и я шла по скверу и верила, что я нашла счастье.

Береги свою душу, уважай ее, уважай себя и других. Из всего, что я успела узнать о жизни, мне ясно одно, что смысл жизни, ее сила и ее главное – добро, честность, свет, правда. Она порождает, конечно, и феноменов, и уродов, и ублюдков, и калек, и неискренних негодяев, но, как Тарас Бульба своего сына Андрея убил своей же рукой, так и жизнь неумолимо убьет своих неудачных выродков».

Юнна ЧУПРИНИНА

264

общая газета

Главный редактор номера: Виталий ЯРОШЕВСКИЙ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© Общая газета. Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы:
Тел.: 915-75-23. Т/ф: 915-26-06, e-mail: lvov@og.ru
Отдел региональных проектов:
Тел.: 915-22-66, e-mail: deeva@og.ru
Связи с общественностью: Валерия ГАЛЛАЙ, Зоя ВОЛОВЕЦ
Тел.: 915-70-40, e-mail:pr@og.ru

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты»
Технический директор Валерий МАКАРОВ

П.Р. *С этим знаком, а также в рамках публикуются пресс-релизы, информационно-коммерческие материалы. Редакция не несет ответственности за содержание рекламных текстов*

Отдел распространения: Александр РЕБРИК. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» – **211656 экз.** (региональный – 152000 экз.)

Цена свободная
Розничное распространение в Московском Метрополитене
Группа компаний «ПАБЛИК ПРЕСС»
в С.-Петербургском Метрополитене
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ИД «Медиа-Пресса».
125993, ГСП-3, Москва, А-40, ул. Правды, 24

Номер подписан в печать 18.07.2001 г.
Заказ 1800. 1 2 3

Наш подписной индекс: 32138

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1. **Справки по телефону:** 915-22-88; факс 915-51-71, **e-mail:** secretar@og.ru. **Электронная версия «ОГ» в Internet: www.og.ru** (а также в базах данных www.park.ru; www.nns.ru; www.integrum.ru; www.russianstory.com). **Адрес «Гостиной «ОГ»:** 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22

Егор ЯКОВЛЕВ – **главный редактор.** Юрий СОЛОМОНОВ – **первый заместитель главного редактора.** Игорь ЯКОВЕНКО, Виталий ЯРОШЕВСКИЙ – **заместители главного редактора.** Елена РЫМКО – **заместитель главного редактора, директор по развитию.**
Редакторат: Дмитрий ДОКУЧАЕВ, Владимир КИСЕЛЁВ, Наталия КЛОЧКО, Игорь НАЙДЕНОВ, Юрий ПАТРИН, Елена РЫКОВЦЕВА, Мария СЕДЫХ, Борис ЮНАНОВ.
Дирекция выпуска: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректура). **Руководители направлений:** Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Илья МЕДОВОЙ (мировоззрение), Марина ТОКАРЕВА (редактор «ОГ»-Петербург), Елена УСОВА (информационное обеспечение), Дмитрий ФИЛИПЧЕНКО (спорт).
Обозреватели: Бахтияр АХМЕДХАНОВ, Олег ВЛАДЫКИН, Максим ГЛИКИН, Ирина ДЕМЕНТЬЕВА, Елена ДИКУН, Виктор ЛИТОВКИН, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Альберт ПЛУТНИК, Юрий РОСТ, Борис СИНЯВСКИЙ, Елена ТОКАРЕВА, Юнна ЧУПРИНИНА.
Представители за рубежом: Эльмира АХУНДОВА (Баку), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Павлюк БЫКОВСКИЙ (Минск), Наталья ГОЛИЦЫНА (Лондон), Владимир ГОЛОВИН (Иерусалим), Лариса ДЯЧУК (Киев), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Федор РЮРИКОВ (Прага), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт). Елена ПАНОВА – **финансовый директор.** Елена БОГДАНОВА – **помощник главного редактора.**